

Жизнь полна компромиссов*

Ну вот я и в Одессе. Но радость встречи с любимым городом мне отравляет Кристина. Конечно, не со зла, просто она хорошо подготовилась к путешествию — откопала в Интернете кучу статей про Одессу и уже составила план осмотра достопримечательностей. То и дело спрашивает — знаю ли я, где находится Воронцовский дворец? Знаю. А оперный театр? Знаю. А в каком году он был построен и как звали архитектора? Иди ты к черту, Кристина!! Но... я молчу.

Потому что так устроена жизнь (по крайней мере, моя) — всегда или чего-нибудь сильно не хватает, или явный перебор. Вот даже в детстве. У меня были интеллигентные родители, врачи, но папа постоянно покупал мне пластмассовых солдатиков. Я знал, что детям положено играть, и поэтому безропотно расставлял их на полу, но вот что было делать дальше? Я задумывался... вернее, сидя на полу, я погружался в тупую протрацию, а потом оказывалось, что у моих солдатиков отгрызены головы. Я сгрызал им головы неумышленно, но это повторялось снова и снова... просто я был задумчивым ребенком. Папа стал бить меня ремнем, и мама не возражала. Вздыхая, она объясняла мне, что человек должен нести ответственность за содеянное. Меня наказывали, но продолжали покупать солдатиков. А я не знал, что не люблю в них играть...

Иди ты на фиг, Кристина! Где гармония в этом мире? Почему нельзя приехать в родной город и побродить одиноко? Зайти к друзьям... хотя какие друзья? Не посещать же одноклассников. Да. Здесь нет друзей. И там нет. Нигде нет. Только моя Кристина.

Мы прилетели около полуночи, город лежал во тьме, только на центральных улицах через один теплились фонари — так было и раньше, но есть и отличие — теперь среди крошечной тьмы то и дело высвечиваются (и вызвучиваются) островки уличных кафе, их очень много, и если они не пустуют в прохладную апрельскую ночь, что же тут летом творится? Воздух пахнет морем, океан пахнет совершенно иначе (по мне, так он вообще не пахнет), что говорить... это запах моего детства. Пока мы ехали в гостиницу "Красная", таксист лет сорока со слезами на глазах поведал историю своей жизни — он любит жену и ребенка, но его мама задалась целью испортить им жизнь, и у нее получается, на днях жена бросила беднягу...

* Глава из повести

В самой роскошной гостинице города нас встретил пыльный швейцар, именно так — когда он распахнул двери, от его шелковой ливреи (с пышными галунами) взлетело облако пыли. Гостиничный холл освещался тусклым светом, повсюду печально лежали плешивые ковры. Центральную лестницу обрамляли херувимы-негры с отбитыми носами, зато обильно крашенные черным лаком, ужасно блестящим. Проходя по коридору второго этажа, я машинально взглянул в огромное зеркало и ничего там не увидел, даже сердце екнуло... но сразу же понял, что зеркало весьма антикварное, в патине. Но главное — ванна! На ней мы обнаружили (вернее, обнаружила Кристина) желто-серые подтеки. Горничная спокойно объяснила, что это — въевшаяся грязь, которая не отмывается. В том смысле, что такая грязь — не грязь, и ванна практически чистая. Кристина возмутилась и очень расстроилась, и потребовала другой номер. Но свободных люксов не оказалось. Тогда Кристина решила перебраться в другую гостиницу и стала нервно засовывать в чемодан свои вещи. Я сомневался в успехе мероприятия, наверняка в другой гостинице нас ожидали другие сюрпризы.

Ах, Одесса! Как все это знакомо, как мило, как по-одесски... но Кристине кажется, что за двести баксов она имеет право на чистую ванну. Как она ошибается... Кристине не помогут экскурсии и осмотр памятников старины, дух нашего города ей никогда не прочувствовать...

Но горничная сломалась. Сдалась. Пошла на попятную. Возможно, наш отказ от номера чем-то грозил ее карьере. Девушка принесла баночку с надписью "щавелевая кислота" и довольно быстро очистила ванну от ненавистных Кристине подтеков. И раздраженно объяснила, что эмаль вся стертая, что мы изгадим белый цвет после первого же мытья, и с такими нашими претензиями ей придется вычищать эту ванну каждый день. Я не стал переводить — зачем лишний раз волновать Кристину?..

Но самое ужасное, что я случайно уснул. Хотел ненадолго вытянуть ноги, прилег на диван и моментально провалился в сон, какая жалость! Я так мечтал отправиться на ночную прогулку, встретиться с Одессой, так сказать, тет-а-тет, без дурацкой Кристины. И вот уже утро. Я плохо выспался, я отлежал себе бок и смял лицо, я жду, пока моя крошка наведет марафет, и думаю — где же это я? Неужели в Одессе? Наши окна выходят во внутренний двор, коты роются в мусорных баках, где я?! Я не принадлежу сам себе, на это у меня не хватает денег, какая печаль... я тут лишний, а Кристина — нет. Она путешественник, она — экскурсант, она — мой хозяин. Какое дерьмо! Надо завязывать думать об этом, ведь жизнь только начинается...

Нет, правда, что-то Билли долго копается, целый час уже там сидит... пачкает ванну. Завтрак, который им принесли, только обострил чувство голода, но еще заказывать неохота, лучше поесть где-нибудь на свежем воздухе с видом на море... там солнышко, отличная погода, но маразм крепчает. Билл проснулся в восемь утра, а может, он вообще не спал, хрен его знает, и стал рваться в мастерскую. Джек сказал все, что он по этому поводу думает. Билли обиделся и пошел мыться... Вечера, когда Билл узнал, что мастерская Буряка находится недалеко от гостиницы, он прямо с самолета потащил его туда, а было два часа ночи. В темноте Джек перепутал дворы и уже подумал, что тот двухэтажный дом снесли на фиг... но потом понял ошибку (Билли уже пребывал в тихой истерике), когда разглядел в глубине двора белеющий бюст вождя пролетариата. Памятник Ленину стоял в соседнем дворике, значит, это соседний... он даже вспомнил связанную с ним историю — в разгар Перестройки бюст хотели увезти, но жильцы встали на его защиту, огородили колючей проволокой и посменно дежурили, пока все не улеглось... об этом даже в газетах писали.

Двор Буряка зиял чернотой, светилась только пара чердачных окон, но они ни хрена не освещали, разумеется. Хорошо, что у таксиста нашелся фонарик, да, блин, красиво жить не запретишь! За час простоя (в ста метрах от гостиницы!) водитель затребовал сто баксов сверх стоимости дороги из аэропорта, причем сама дорога обошлась в пятнадцать... а Билли даже не поморщился, только все выпытывал — ты уверен, что это здесь, ты уверен, да? Достал. Джек помнил — полуподвал слева от арки, несколько ступеней вниз, на двери была замызганная табличка с надписью "Художественная мастерская". Он осветил дверь фонариком — табличка на месте, посветил в окна — там занавески, что дальше? На двери — здоровенный висячий замок. Хорошо, конечно, что дом не снесли, и мастерская на месте, но это же не частная собственность, это от Союза художников, сто раз уже могла перейти к другому владельцу. Билли предложил оставить записку, что коллекционер-иностранец хочет встретиться с хозяином, на такое грех не клонуть.

И вот, когда они стали сочинять записку, приехала милиция. Из подъезда тут же выскочила старушонка, одетая по-зимнему, и стала визжать, как раненная мышь. Мол, она чуть инфаркт не схватила, потому что у нее бессонница, а тут грабители, а она одна в квартире, а они светят фонарем, а у нее ноги стали ватные, но хорошо, что хоть телефон сегодня заработал,

а то ведь неделю совсем не работал... старуха с первого этажа, окна прямо над Буряком, следила из окна, сволочь, и ни звука, ни шороха... и не она одна наблюдала, потому что вскоре их штук десять набежало, Билли охренел... Двое ментов были настроены решительно, руки на капот, обыскали, не нашли ничего криминального, кроме фонарика, и уже собрались везти в отделение разбираться, что к чему, но тут водитель заныл, что не виноват, что он взял в аэропорту иностранцев, а они попросили остановиться и подождать... Иностранцы? Это и спасло.

Они показали паспорта, Джек объяснил, что хотел повидать друга-художника, что ничего плохого и в мыслях... Билли трясся, водитель нервно курил, менты понимающе кивали, старухи держались поодаль, момент настал! Джек сунул блюстителем по сотне баксов на рыло, и инцидент был исчерпан... Все. Теперь он не даст собой помыкать, хватит. Самое неприятное — бабки обмолвились, что в мастерской уже год никто не появляется, раньше ходил один бородатый, а сейчас пропал. Это осложняет дело. Надо пойти в Союз художников и выяснить, где Буряк, может, он вообще умер... но почему мастерская закрыта уже целый год? Непонятно. Ясно одно — что помещение пустует, и незачем околачиваться под дверью, тем более после вчерашнего... разве что вскрыть ее и посмотреть, вдруг там все осталось по-прежнему? Это было бы круто, ограбить Буряка... хотя старухи не дадут... а можно сразу обратиться в милицию. Скажем, баксов за тыщу менты взломают дверь? Наверняка... или нет? А если соврать что-нибудь? Сказать, что уезжая в Штаты, он забыл у друга свою коллекцию значков? Но это если Буряка уже нет в живых... нет, это стрёмно, да ну, бред!

Он уже начинает впадать в истерию, как Билли... нет! Или все будет по закону, или никак, хватит уже... в самолете Билли не на шутку загрузил его своими знаниями про Одессу, сыпал какими-то идиотскими датами, типа когда забили первую сваю в порту... Джек не выдержал и сказал, что лучше бы он думал о деле. А Билли, оказывается, только о деле и думал, просто болтал, чтобы снять напряжение. И когда он начал говорить "о деле", мало не показалось... а что будет, если будет так? А что, если эдак? А вдруг такое случится? А сякое? Кошмар... И так перевозбудился, что потащил его сходу в мастерскую... нет, у чувака явно едет крыша, нельзя ему потакать.

А в гостинице еще устроил эту разборку с горничной, хотя Джек сто раз предупреждал — на Украине может быть такая срань, какой он отродясь не видал, и деньги ничего не решают... "Я бывал в бедных странах, но за хорошие деньги там всегда можно получить хороший сервис!" Там можно, а здесь — как повезет, такой вот парадокс. Или такая психология,

однако факт налицо, чего дергаться? Хотя, скорее всего, он был взвинчен после ареста, вот и раскапризничался...

Так. Полтора часа в ванной. Он что, дронит там, что ли? Мечтает о Роби? От голода уже урчит в животе, пожрать и идти в Союз, это рядом с Художественным музеем, он помнит, он оформлял там картины на вывоз... и не забыть купить шоколадку секретарше.

Вот и я! Джек, какой у тебя план? Я на тебя полностью полагаюсь... я думаю, надо разыскать друзей этого Бурьяка, ты знаешь его друзей? Ты говорил, что у тебя есть какие-то телефоны.

Скажи мне, Билли... а что ты делал полтора часа в ванной?

Я? Я думал... Знаешь, я думаю...

Билли! Я хочу есть, понимаешь?! И пока я голоден, я не буду с тобой говорить о делах! А ты еще не одет... все! Быстро одевайся и выходим на улицу!

.....

Эх, платаны... пятнистые, толстые... раньше корни платанов разрывали асфальт, теперь тротуары замостили фигурной плиткой, но корни все равно побеждают, вся эта красота трескается и вспучивается, надо смотреть под ноги, чуть было не растянулся уже... Дома стали понаряднее, не такие облезлые, много отреставрированных... таксист рассказывал, что на Греческой площади снесли круглый дом и построили огромный стеклянный магазин, а так вроде все по-старому... а, еще какой-то небоскреб прямо в море, вроде гостиница, надо будет посмотреть. А Пушкинская улица точь-в-точь, как раньше...

Одну минуту, Билли, я сейчас!

Вот она, их подворотня, а за ней еще должно быть два глухих дворика без окон, однажды они тут трахались с Зойкой, так жутко напились, что ничего уже не соображали... да, вот тут лежало бревно, а эта стена была увита диким виноградом... ладно, Билли ждет...

Джек, а почему ты жил в Одессе? Я забыл... ты здесь учился?

Ну да, учился в университете.

Ух ты! А на каком факультете?

На романо-германской филологии...

Потрясающе! Джек, так ты языковед, ты культуролог! Философ! Вот почему ты все время что-то пишешь, оказывается... невероятно! Фермер, коллекционер и ученый! Смотри, Джек! Там художники, ты знаешь кого-нибудь? Можешь спросить, вдруг они знают про Бурьяка?

Билли, я не буду пока ни у кого спрашивать, пойдут разговоры, зачем это нам? Сначала мы пойдем в Союз художников... нет, сначала мы съедем что-нибудь вон в том кафе, оно мне нравится, ты не против?

Нет, нет... как скажешь, но как ты думаешь, ведь наверняка кто-то из этих художников знает Бурьяка? Смотри, тут продаются пейзажи и натюрморты... сколько всего... это такое специальное место, да?

Да, Билли, это Горсад, Городской сад, тут продаются сувениры и плохие картины...

Но ведь у Бурьяка тоже плохие! Ты сам говорил! А вдруг он здесь их продает?!

Хорошо, давай посмотрим...

А ведь Билли прав, между прочим, тут ему самое место... даже какие-то знакомые рожи, или так кажется? Вон того со странными губами точно где-то видел, а что он продает? Зверюшек из ракушек... да, эти обвислые губы на костистом лице... нет, не вспомнить. Наверняка тут можно найти знакомых... хотя он имел дело с нормальными художниками, а не с этой горсадовской шушерой, вот только с Бурьяком прокололся... в глазах рябит от всей этой мазни и безделушек, продавцов полно, а покупателей нет, видимо, еще не сезон. Ага, в Билла уже вцепилась пожилая мадам, впаривает какие-то штатулки, пора сваливать. О, на той стороне приличного вида кафе, можно туда зайти... хотелось посидеть на улице, но прохладно, ветер какой-то...

Нет, Билли, его здесь нет, пойдем...

Пойдем, Джек! Эта дама говорит по-французски, я почти ничего не понял...

Я думаю, она сама ничего не поняла.

О, смотри, какие там красивые здания! Как называется эта улица?

Это Дерибасовская, самый центр города.

О, Дерьибасовска! А скажи, Прьеображьенска улица далеко отсюда? Она должна пересекать Дерьибасовску, я смотрел по карте. Там находится великолепный масонский дом, его построил архитектор Гартвиг. Представляешь, треугольный дом с каменными рыцарями у входа, я хочу сделать фото...

Присаживайся, мы пришли.

Будем обедать?

Завтракать.

Отлично! А скажи, ты знаешь такую площадь, сейчас... Екать...ериньенская площадь? Бывшая Поть...потьемкинская?

Знаю. Это возле Потемкинской лестницы.

Далеко?

Тут все недалеко, Билли, ты уже знаешь город лучше меня, не прикидывайся.

Да. Там находилась тайная масонская ложа, в доме номер три. Этот дом принадлежал какому-то капитану, такая сложная русская фамилия, сейчас не вспомню... и когда дом недавно реставрировали, то в подвале обнаружили замурованный масонский храм со всеми атрибутами....

Разве у масонов бывают храмы?

Ну конечно! Ложа и есть храм! В ложе находятся две колонны, алтарь, грубый и совершенный камни, шахматный пол, да много всего... масонский храм символизирует мироздание!

Это круто, Билли. Так, посмотрим, что тут есть... я буду суп-пюре из овощей и антрекот с картофелем, а ты как знаешь... меню на двух языках, так что выбирай, вегетарианское там в самом конце.

Москва

